

Тынымбай Нурмагамбетович Нурмагамбетов родился в 1945 году в селе Косуйенки Кызылординской области. Писатель, драматург, сценарист. Окончил филологический факультет Кызылординского педагогического института им. Н. В. Гоголя (1968), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве (1980). Автор более десяти сборников на казахском языке, в числе которых – «Қауын иісі», «Қош бол, ата», «Қарлығаштың ұясы» и другие. Его произведения издавались в крупнейших союзных издательствах, переведены на русский и ряд других языков, пьесы ставятся в театрах Казахстана. В журнале «Простор» была опубликована его повесть «Змеиный яд» (№ 12, 2019 – № 1, 2020), разоблачающая хищнические нравы современного мира, и аналитическая статья о ней Аслана Жаксылыкова.

Тынымбай Нурмагамбетов – лауреат Государственной премии Республики Казахстан в области литературы и искусства имени Абая (2020), премии Казахского ПЕН-клуба, ордена «Құрмет». В этом году за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, сохранение духовных ценностей и продвижение казахской культуры награжден высшим орденом «Отан». Редакция журнала сердечно поздравляет автора с этой наградой и 80-летним юбилеем и желает долгих творческих лет и успехов в писательском труде!

Тынымбай Нурмагамбетов – лауреат Государственной премии Республики Казахстан в области литературы и искусства имени Абая (2020), премии Казахского ПЕН-клуба, ордена «Құрмет». В этом году за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, сохранение духовных ценностей и продвижение казахской культуры награжден высшим орденом «Отан». Редакция журнала сердечно поздравляет автора с этой наградой и 80-летним юбилеем и желает долгих творческих лет и успехов в писательском труде!

ТЫНЫМБАЙ НУРМАГАМБЕТОВ БЕЗДОМНЫЙ ПЁС

Алшын нашел щенка в сарае для скота в шести километрах от аула. Вышел он в поисках пропавшего вола, а когда, совершенно изнуренный от дикой жары и жажды, вошел в полумрак сарая, то в углу увидел недавно ощенившуюся собаку. Охраняя своих щенков, собака яростно лаяла на него, но, почувствовав, что усталому человеку не до неё, мало-помалу успокоилась и принялась обнюхивать то одного, то другого детеныша.

Щенков было четверо. Головы их еще плохо держались на слабых шеях, щенки пытались встать на ноги, но у них это не получалось, тем не менее они уже проявляли неумность и жались к матери со всех сторон.

Поначалу Алшыну было не до собаки, истомленный, он со вздохом облегчения повалился на ворох соломы прямо у входа, надеясь отдохнуть в тени помещения, у него уже не оставалось сил, чтобы добраться до дальнего угла сарая. К тому же бьющий в ноздри, густой и едкий запах старого навоза и полусопревшей соломы останавливал любые мысли об изучении глубин сарая. Он преодолевал отвращение только ради желанной тени. Это давалось ему с трудом, даже пришлось прикрыть нос ладонью.

Пройдя шесть километров в степи под палящим солнцем, он ощущал крайнюю степень изнурения, однако, подремав полчаса на ворохе соломы, почувствовал, как силы возвращаются к нему. Прибодрившись, теперь он думал только о том, как бы утолить мучавшую его жажду. Не решаясь выйти на палящее пекло, он только высунул голову из двери сарая и огляделся вокруг. Он надеялся найти поблизости колодец, и в конце концов издали в глаза бросился сруб колодца, к которому вела полузаросшая бурьяном тропка, ответвление от которой вело к одинокому обшарпанному дому с заметно осевшей крышей и покосившимися дверями и окнами. «И в самом деле, кто поверит в то, что рядом с загонами для скота нет колодца», – подумал он, обрадованный, не отрывая глаз от колодца.

И хотя ему очень не хотелось выходить на солнцепек, он заставил себя сделать это. На срубе колодца виднелась перевернутая бадья на длинной пеньковой веревке. Он кинул бадью в колодец, веревка заскользила в руках, и на глубине трех или четырех метров послышался плеск воды. Когда Алшын потянул бадью вверх, к нему подбежала собака, еще недавно обнюхивавшая щенков. Алшын удивился, не ощутив у неё никакого страха. Да, не позавидуешь ни человеку, ни животному, чья жизнь сильно зависит от другого существа. Недавно яростно лаявшая собака теперь умоляюще смотрела на него, с самым жалобным видом виляя хвостом. Алшын понес бадью, полную воды, к высушенному солнцем железному желобу и снова посмотрел на собаку. Бедняжка, высунув алый язык, не отрывала глаз от бадьи, порываясь к ней. Теперь Алшын не мог не дать ей воды. Холодная вода побежала струйкой по горячему чугуну желоба, до слуха донесся шипящий звук, который заставил вздрогнуть Алшына. Он вылил в желоб половину бадьи... даже больше половины. И принялся пить оставшуюся воду.

Как только Алшын поднес край бадьи ко рту, собака сразу же кинулась к желобу. Увлеченные поглощением воды, они не смотрели друг на друга. Ледяная вода переполнила горло Алшыну, лилась и лилась в глотку. Собака звучно шлепала языком. Они долго наслаждались водой. Напившись, они подняли головы и сразу взглянули друг на друга. На этот раз собака не заискивала, прося чего-то. Вид у неё был довольно-таки удовлетворенный, она даже выглядела благодарной. Некоторое время она взирала на незнакомца, затем повернулась и побежала трусцой к сараю.

Когда собака убежала, Алшын вытянул из колодца еще бадью воды и с мыслью: «Пусть собака еще попьет», – налил в желоб. Затем вытянул еще бадью и, подумав: «Пусть напьются и щенки», налил в желоб. Из третьей бадьи напился сам. В оставшейся воде помыл лицо, шею. Помывшись в ледяной воде, он заметно прибодрился.

Собираясь в дорогу, он подумал, что надо по пути заглянуть в еще два таких сарая для скота, а затем поискать в густых тугаях. Однако в такую жару уже не было никакого желания продвигаться хотя бы на небольшое расстояние. Он перевернул бадью, поставил её на прежнее место, идя по той же тропке, решил, что надо бы переждать в тени сарая, пока солнце не преодолет зенит и жара не утихнет.

Вернувшись на прежнее место, он устроился на соломе. Вроде бы ноздри уже привыкли к едкому запаху полусгнившего навоза. Уходя с утра пораньше он взял с собой в дорогу пару ломтей хлеба и головку лука. Он принялся есть, и собака снова подбежала к нему. Щенки, тонко поскуливая, по-прежнему возились, падали на ходу, снова вставали и падали в углу сарая. Алшын жевал хлеб и, отламывая по кусочку, кидал их собаке, а та ловко перехватывала их на лету. Головку лука Алшын оставил себе.

Поделив меж собой хлеб, человек и собака почувствовали взаимную приязнь. Когда собака подошла в очередной раз, Алшын протянул руку и погладил её по голове. Собака не отстранилась. Тем самым она как бы давала знать, что уже признает его. Собака отнюдь не походила на обычную лохматую казахскую дворнягу. Темно-серая, гладкошерстная, с прямыми стройными ногами, она была незнакомой породы. Очертания её головы тоже ничем не напоминали бесформенные головы казахских собак. Голова её казалась воплощением бдительности и настороженности. Широкие, словно листья лопуха, уши закрывали всю шею и скулы, оставляя открытыми морду и глаза. А глаза? С острым, необыкновенно пронизательным взглядом, глаза напоминали человеческие. Глядя на красивую, стройную статью собаки, иной человек и вздохнул бы, наверное: «Эх, если бы не твоя собачья природа, по стати и резвости пригодились бы и для конских скачек!»

Улучшив свои отношения с собакой, Алшын перевел внимание на щенков. Четверо щенков всем своим обликом напоминали мать, они были темно-серой масти. Когда Алшын по очереди брал их на руки, мать ощетиновалась, ожесточенно лая на него. Однако это не напугало Алшына. Он верил, что после совместного питья и еды, установившихся теплых отношений собака не укусит его.

Только один из щенков был мальчиком. Все чувства Алшына сосредоточились на нем. Когда он, отпустив остальных, взял на руки только этого щенка, поглаживая его по тельцу, мать перестала лаять и уселась, внимательно глядя на него. Она как бы говорила: «Янисколько не ревную его».

Когда солнце перевалило через зенит и начало клониться к закату, а жара спала, Алшын, зажав щенка под мышками, подошел к двери сарая. Собака последовала за ним. Она не лаяла на него. Когда он отошел от сарая на двадцать или тридцать шагов, она уселась, удивленно глядя на него, затем негромко взлаяла несколько раз. В её голосе не было ни злости, ни желания напугать его. Так и слышалось в её голосе обиженное недоумение: «Вот что ты берешь у меня за глоток воды и ломоть хлеба?» А когда Алшын отдалился, собака вильнула хвостом и скрылась в прохладной тени сарая.

Выросший в сиротстве и знающий, что это такое, Алшын ухаживал за щенком, души не чая в нем. И хотя порой сам не доедал, кормил его досыта. Живший в полном одиночестве, он обрел в щенке и досуг, и смысл жизни.

Немало озадачила и даже позабавила его необходимость дать щенку кличку. Первые две недели он окликал щенка словом Зымыран (Стремительный), потом стал называть его словом Куйын (Вихрь). Один Бог знает, сколько дней он так звал его... Потом несколько дней щенок довольствовался именем Лашын (Сокол). Затем по сердцу пришлось прозвище Ушкыр (Резвый), какое-то время он так звал щенка. Однако это слово не прижилось. Однажды, во время дождя, когда за окном всю хлестали чистые, светлые струи, Алшын, взяв на руки щенка, сидел в глубокой задумчивости, глядя на ливень... и вдруг в голову пришла мысль сменить кличку словом Жауын (Дождь). В лучах проглянувшего солнца падающие капли дождя показались ему очень красивыми и быстрыми. Глядя на купающиеся в лучах солнца алые... зеленые... желтые капли, он вдруг возмечтал о таких днях, когда в погоне за дичью на охоте щенок станет сверкать такими меняющимися красками, удивляя народ своей красотой, колдуя взоры людей, – с этой минуты он решил окончательно закрепить за подопечным кличку Жауын. И даже, кажется, двигая губами, прошептал какую-то клятву, что ли...

Была одна причина для того, чтобы Алшын назвал щенка таким словом, обязывающим его быть неумно резвым. Холостой джигит, подошедший к девятнадцати годам, он имел захватывающее увлечение – охоту. Было у него и

ружье – двустволка. А ведь в распоряжении было много кличек, достойных для сторожевого пса: Мантобет, Борибасар, Кутжол... С одной стороны, Алшын считал такие клички для своего щенка чрезмерными, не соответствующими. Щенок же быстро рос, всё больше напоминая мать – такой же гладкошерстный, со стройными ногами, острым взглядом, резвый и чуткий, и у Алшына вскоре не оставалось сомнений, что его песик растет настоящей охотничьей собакой, обещающей быть ловкой и хваткой.

Немало забавного было и в том, когда он попытался отгадать породу собаки. Кому-то он сказал, что щенок английской породы. Другим он сказал, что щенок то ли немецкой, то ли французской породы. Какое-то время уверял людей, что песик русской породы. Он путался в таких предположениях, потому что не знал, какое из них самое достойное, лучшее. Как бы то ни было, казахскую породу он ни разу не назвал. Да и сам щенок ничем не напоминал казахскую породу тобетов.

Когда Жауын подрос, он стал смахивать на темно-серого скакуна, из тех, кто может участвовать в аламан-байге. Собак такой масти в ауле не было. Алшын по-детски гордился всем этим, и в этих чувствах он вскоре совсем забыл про своего вола, которого не мог найти ни летом, ни осенью.

Как ни суетись, в ауле работы не найти, особенно такой, в которой без участия Алшына люди обойтись не могли бы. Парни и постарше его слонялись без работы. Но что делать человеку без работы? Встав утром, сделает из залежавшейся кукурузы или зерна похлебку, разделит её с собакой и выйдет от нечего делать на улицу. Сходит в магазин. Удивлял он людей и новой привычкой – если возникала необходимость зайти по делу к соседям или к родственникам, Алшын тут же выходил под предлогом, дескать, меня на улице ждет щенок.

Порой приводил Жауына с собой и в кино. В такие дни он был немало обеспокоен тем, что ревновал Жауына к другим, старался огородить от их внимания. Никакого желания ревновать у него не было, но что делать, если прохождение, и стар и млад, завидев Алшына с щенком, незамедлительно окружали их, не скрывая интереса к песику и с любопытством разглядывая его. Попробуй тогда осадить нахального мальчишку, особенно из числа своих сверстников. Всегда заденут словом... Находились и такие, кому непременно надо было погладить щенка или толкнуть ногой. Именно в такие минуты огонь ревности пламенем охватывал Алшына. Он и сам не замечал, как поддавался этому огню. А ведь это был не простой гнев, а связанный с уязвленным честолюбием.

Сейчас уже не припомнить, с кем, с какими людьми пришлось вступать в перепалку, с кем дело доходило до мордобоя. Или они специально это делали, чтобы разозлить Алшына, – кто знает?

Ведя с собой Жауына, пробовал Алшын по весне хаживать и к девушкам. Девушка по имени Сана была одной из избалованных смуглянок аула. Была у неё привычка говорить манерно, кокетливо. То ли ей не понравилось, что во время встречи Алшын уделял много внимания щенку, или каприз у неё был такой, тем не менее она сходу заявила: «Хотя и кажется особенным, но твой щенок совсем некрасивый». Поскольку она так плохо отзывалась о щенке, Алшын охладел к ней и после этой обиды перестал ходить к ней.

С Жауыном вместе они не раз ходили к дальним холмам, оставались под дождем, выслеживая сусликов, преодолевали и снега, и со всем этим они не заметили, как прошел год. За это время Жауын подрос, окреп, превратившись в рослую собаку, теперь он годился и для охоты. Гоняясь в воде за рыбой, на лугу за бабочками, а в большинстве – друг за другом, они не уследили за тем, как пролетели лето и осень текущего года.

Алшын же ждал, когда выпадет снег. Заставив себя ждать, наконец выпал снег. Говорили «заставив себя ждать», потому что прошел уже декабрь,

наступил январь. Конечно, дело было в том, что жидкий снежок, выпавший ранее, не годился для того, чтобы хранить следы, поэтому Алшын считал преждевременным выводить Жауына на птицу и зверя, он ждал настоящей зимы. В конце концов, как бы говоря: «если тебе нужен снег, вот тебе...», немало удивив и человека, и животных, навалил снег сугробами. К этому времени Жауын уже вполне годился для охоты.

Забросив за спину двустволку, подпоясавшись патронташем, засунув за пазуху калач, запеченный на углях, ведя за собой Жауына, выходил Алшын на глубокие снега в светлый морозный день, и это было для него своего рода хотя и небольшим, но праздником. Пес мчался поверх снегов вдаль, и потом так же скачками возвращался обратно к хозяину, лапаясь и кружа вокруг него. Он был вне себя от восторга. Словно говоря: «Эх, как здорово бывает!», он прыжками носился туда и сюда, то и дело окунаясь в пушистый снег.

Поначалу казалось, что его выводят на первый свежий снег, чтобы он так игрался, выходя из себя в шальной радости. Еще бы, ведь пока не обращал никакого внимания на повсюду встречавшиеся заячьи следы, или на фазанов, то и дело шумно вспархивавших из кустов. В такие минуты, глядя на пса, испуганного взлетом фазана, жмущегося к его ногам, Алшын заливался веселым смехом. Но вскоре пес привык к звукам взлета фазана. Теперь он не удирал, напротив, несся дурным скоком за летящим фазаном, то падая, то кувыркаясь, весь в белом снегу до самых торчащих ушей. Затем, словно хвастаясь своим подвигом, возвращался к хозяину, встряхивался всем телом, сбрасывая снег, лапаясь и балуясь, кружил вокруг него, бодро взлаивал пару раз, будто соглашаясь с чем-то, потом снова мчался вперед.

Самое интересное начиналось в густых тугаях. Когда фазаны принимались с шумом вспархивать то там, то тут, ошалелый, сбитый с толку пес даже опрокидывался на снег. Когда он так поднимал птиц в полет, Алшын тоже не терял время. Взметая двустволку, гулками выстрелами он ловко сбивал с полета фазанов, привязывая потом трех или четырех к поясу. Как-то он заметил, что молодь фазанов подросла, налилась в весе. И это он связал с нелегким положением народа, которому было не до охоты, а многие просто не могли приобрести даже патроны.

Жауын научился мастерски выгонять птиц уже к обеду. Кружа вокруг густых зарослей жынгыла или ченгеля размером с юрту, листья и ветки которых были припорошены снегом, спугивал затаившегося фазана, а когда изготавившийся Алшын с грохотом двустволки сбивал с полета птицу, оба они принимались всполошено бегать среди кустов в поисках добычи. Порой, пробегая мимо, пес нечаянно задевал заснеженные ветки, неожиданно обрушившийся снег погребал его полностью с головой, и было очень забавно видеть тогда, как из-под снега показываются мордочка и блестящие глаза юного пса, испуганно лающего, кувырком выкатывающегося из сугроба.

В минуты отдыха под кроной обгорелой джиды Алшын спешно принялся ощипывать одного из фазанов, затем дал собаке кусок мяса. Пес прижал лапами мясо и принялся рвать его зубами. Покормив собаку, Алшын взялся за дело: собрал в кучку сухие ветки из-под кустов, запалил огонь и поджарил на нем оставшуюся тушку фазана. Угощаясь калачом, запеченным на углях, и поджаренным мясом, Алшын не забыл и про пса. Жауын ловко хватал на лету брошенные куски, ничто не терялось на снегу.

На обратной дороге Жауын начал гонять зайцев. К этому времени он уже наловчился бегать по глубокому снегу. Поэтому он без раздумий лихо помчался вслед за выскочившим зайцем. Но когда преследуемый заяц со всего маху свернул в сторону, пес на всем лету зарылся носом в снег и кувыркнулся.

А когда он с униженным видом, будто переживая позор своего поражения, свесив уши, затрусил обратно, Алшын дал волю веселому смеху, забавляясь над неудачей собаки, потом, полуболюбив его, принялся стряхивать с него снег.

После такого унижения, видать, в душе собаки осталась затаенная злость. Жауын при встрече следующего зайца приложил максимум усилий. Он не дал обмануть себя бесконечными увертками зайца. И Алшын на этот раз убедился в действительной резвости и хваткости пса. Когда гончий, взметая поверхность снега длинными ногами, покатылся темной звездой, какой заяц устоял бы перед ним, пусть был бы он самым что ни на есть увертливым и приткким. Но надо было такому случиться, что, когда Жауын почти настиг зайца, возбужденный, разгоряченный Алшын, бежавший следом, издал радостный вопль: «Ки-ии-юю!» И этот вопль испортил всё.

Воспитанный в полном подчинении хозяину, привыкший повиноваться его командам, пес оглянулся на крик... Отчаявшемуся, потерявшему надежду зайцу только это и было нужно, он мгновенно повернулся и юркнул в колючие заросли ченгеля, густо прикрытые снегом. Пораженный этим пес торчком застыл на месте, удивленно глядя то на хозяина, то на зайца. Алшын с удовольствием долго смеялся над наивностью собаки. А Жауын еще какое-то время не мог избавиться от состояния обидного удивления.

В тот вечер они вернулись домой с богатой добычей. Целую неделю они питались вареным и жареным мясом фазанов. Порой Жауыну перепало и сырое мясо. В общем, первый хороший снег досыта накормил и хозяина и собаку.

После этого они вдвоем столько раз выходили на охоту. О боже, в ту зиму небо так было щедро на снега! Аул, после первой или второй легкой пороши обычно решавший, что наконец-то пришла зима, надо готовиться к весне, на этот раз безнадежно утонул под сугробами. Для безработного населения аула хлопоты по очистке дворов от снега и пробивки проходов к загонам стали самым трудоемким занятием.

Во время второй и третьей охоты Жауын уже продемонстрировал прозорливость опытного пса. Когда пес легко мчался над снегами, вихря длинными ногами, Алшыну, восхищенному прыткостью пса, ничего не оставалось делать, как цокать языком от восхищения. Теперь самые увертливые и ловкие зайцы, если им случалось попасться на пути Жауына, не могли спастись от него. Вспугивание птиц стало для него легкой забавой.

Наслаждение жареной дичью в тугаях после охоты казалось им сказочным занятием. А что скажешь о сцене, когда они вдвоем утром по белому снегу направлялись к тугаям? Или о другой сцене, когда они, вечером, всё еще под властью восторженного упоения, не замечая усталости, возвращались домой? Это их счастье мог понять только тот человек или собака, которым довелось изведать радость охоты по белому снегу.

И этот их выход на охоту... возвращение, их взгляды друг на друга, ласковое кружение и увивание собаки вокруг ног хозяина, или её стремительный бег вперед, потом шаловливые прыжки назад к нему, – всё это было признаками тайного их счастья, непонятного постороннему человеку. А что скажешь об их выходках, когда одурелый от счастья пес принимался кувыркатся в снегу, а распалившийся как ребенок Алшын тоже навзничь падал на снег.

В такие минуты пес принимался прыгать на грудь, голову хозяина, выводя его из себя. А что скажешь о том, когда они, смертельно усталые после охоты, не в силах уже постелить себе постель, бессильно растягивались на полу рядом с печкой? Ого, скажешь! Те радости зимы Алшын не забудет никогда. И память об этих радостях, пусть он и пес, выразит потом тоскливым воем Жауын.

В это время слава о собаке Алшына распространилась по всему аулу. Те аульчане, которым довелось распробовать мясо дичи, которое приносил домой

Алшын, были так довольны, что днями напролет твердили о щедрости Алшына и охотничьей сноровке его пса.

Весной Алшын, ведя собаку, вновь явился к дому Саны, и они поговорили, стоя под кроной высокого тополя. На этот раз девушка не позволяла себе таких слов, как «твоя собака некрасивая». Напротив, она коснулась тонкими пальцами ушей вертевшейся тут же собаки и погладила её, дескать, это же наша знаменитая гончая. Желая показать, что ей хочется побаловать собаку, она почесала его виски, затем опять своими тонкими и нежными пальцами потрепала широкие, похожие на лопухи, уши пса.

Видать, девушка на этот раз понравилась псу, он так и крутился возле её ног, потерял боком о её белые икры, облизнул её серебряный браслет на руке. После этого они стали регулярно посещать дом Саны. Шли недели, месяцы, за это время Жауын успел всех убедить в том, какой он умный и чуткий пес. Ему даже не нужны были слова, чтобы выполнить желание хозяина. Он всё понимал, глядя в лицо, в глаза Алшыну. Бывало, на охоте Алшын расстраивался, потеряв где-то шапку или складной нож, – не успевал он понервничать, как Жауын уже несся к нему, неся в зубах ту вещь. Бывало, несет река по течению какую-то вещь, которая может пригодиться по хозяйству, – Алшыну не нужно было просить собаку, она сама бросалась в воду и вскоре приплывала, неся в зубах тот предмет. Собака ластилась к нему, допуская милые шалости, только угадывая его настроение, так что Алшын порой просто диву давался, мол «как это он угадывает мои мысли и чувства?».

Когда стало казаться, что жизнь более или менее наладилась, Алшын затаковал из-за того, что аульчане стали массово уезжать из-за окаянной безработицы. Семья Саны тоже уехала. Алшын понимал, что когда рядом с ним Жауын, а недалеко от аула находятся тугай, ему нечего бояться голода. Тем не менее ему казалось жутковатым оставаться одному в ауле, где на целые улицы тянулись брошенные дома с пустыми окнами и безжизненными дверями. У него не было никакой возможности переехать куда-то и там построить новый дом.

Думая об этом часами, он порой долго лежал на своей лежанке возле печи. Ясно, что из таких мыслей ничего хорошего появиться не может. Порой приходили в голову и плохие мысли. Это было время, когда процветало воровство и грабеж. Хватало и барымтачей, промышленявших скотом, и воров-карманников. Ему не раз приходилось встречаться и с жертвами, и с ворами тоже. Бывало, и вступал с ними в откровенную беседу. Как губка впитав в себя все эти разговоры, отдыхая как-то на лежанке рядом с печью, весь в мечтах, он вдруг подумал: «Почему бы мне не использовать таланты моего пса в серьезных делах?» Обдумав хорошенько эту мысль, рассмотрев её со всех сторон, он согласился с самим собой и отправился в путь. Конечно, собака была с ним. Этот неожиданный вояж и стал причиной краха всех его планов, мечты, он вверг в испытания его судьбу.

...Ночью в одном поезде Жауын вытащил из-под подушки и принес в зубах хозяину сумку спавшей в купе женщины.

...В другом поезде опять ночью Жауын вытащил у задремавшего мужчины дипломат и принес в зубах хозяину.

А после этого события они вернулись домой и улеглись спать рядом с теплой печкой на лежанке, – то-то был долгий и сладкий сон! Можно сказать, что они спали чуть ли не в обнимку, и Алшын был очень благодарен псу. На деньги, которые добыл ему пес, теперь можно было купить квартиру в одном из больших городов.

Ну, а собака была рада тому, что угодила хозяину.

Милиционеры заявили к Алшыну рано утром, когда он еще спал на своей лежанке. Пес яростно залаял на людей, которые заковали руки хозяина

наручниками, и он продолжал так же лаять, когда Алшына вывели во двор и посадили в машину с зарешеченным оконцем. Но теперь его лай и виляние хвостом были совершенно бесполезными. Потому что никто не обращал никакого внимания на собаку. Все были заняты только Алшыном.

Когда машина с Алшыном двинулась, собака побежала следом. Алшын с тягостным чувством смотрел, как бежала собака. Всё внимание пса было на хозяине. Его острый взгляд словно выражал недоумение, мол: «Что это такое, что же случилось?» А Алшын был не в силах смотреть собаке в глаза, его лицо пылало от стыда.

На ровных участках дороги Жауыну пришлось нелегко – тягаться с машиной было трудно. Ведь он вырос в отдаленном ауле, где на единственной улице никогда асфальта не было. Это была дорога, где дождевые потоки вырыли нештучные ямы, рытвины, тянувшиеся направо и налево, в которых буксовали даже трактора, а пройти по ним было проблемой не только машинам, но и пешеходам. То, что улица была такой, было на пользу Жауыну. Когда машина набирала скорость на ровном месте, он поневоле отставал, а когда начинались выбоины и рытвины, он легко догонял машину. Однако не перегонял её. Догнав машину, он всматривался в лицо за зарешеченным оконцем и, будто выражая неподдельное сочувствие, лаял. Это терзало и мучило Алшына. Не в силах смотреть в глаза псу, он теперь желал только одного – чтобы машина окончательно обогнала собаку. Когда избитая аульная дорога соединилась с асфальтом трассы, пес вынужден был остановиться. Он торчком сидел на месте. Теперь хозяин, сидевший за решеткой двери, удалялся с каждой минутой, он превращался в мутное пятнышко. В это время понемногу пришел в себя и Алшын...

Сидя на месте, Жауын завыл. Но в этой безлюдной дали, исполосованной дорогами, кто станет внимать его горькому стону? Заливались трелями пролетающие птицы. Суслики, то там, то тут выскакивавшие из своих норок, с испугом застывали на короткое время, потом, словно спеша донести кому-то печальную весть про воющую собаку, снова юркали, скрываясь то в одной, то в другой норке.

Пес вернулся обратно. Прибежал домой. Для него теперь другого места не было. Свесив голову, побродил по двору... потом лег, и долго лежал, положив голову на передние лапы. Оказывается, он мог шалить, буйно радоваться только при хозяине. А теперь он был подавлен грустью и полностью обессилен. Беззаботная вчерашняя жизнь канула в безвестность навсегда.

В своем дворе он заночевал только один раз. А затем, не выдержав голода, отправился бродяжничать. В ауле еще оставалось четыре или пять домов, хозяева которых еще не успели или не могли переехать. Он побежал к этим домам. Те, кто раньше ел мясо добытой им дичи, бросали ему ломти хлеба или кости, те же, кому не довелось пробовать той дичи, просто прогоняли его прочь. Так прошло несколько дней, потом пес, словно убедившись, что на этот аул возлагать надежды нельзя, вышел на ту самую улицу, усеянную рытвинами, и принялся искать хозяина. В том месте, где грунтовая дорога переходила в асфальт, он изловчился поймать двух сусликов, с любопытством взиравших на одинокую собаку, и съел их. Насытившись, он облизал языком свои челюсти, словно удовлетворенный тем, что в голодное время могут пригодиться здесь и такие мыши, а какая может быть польза от пролетающих с верещанием птиц?

Затем, выйдя на дорогу с асфальтом, зарысил в ту сторону, куда увезли хозяина. Свесив язык, бежал весь день. Бежал всё так же всю ночь. Проезжавшим в шустрых легковых автомобилях, в завывавших тяжелых грузовиках людям не было никакого дела до одинокой собаки. Не проявляла никакого

интереса к ним и собака. Только если проезжала машина, похожая на ту, которая увезла хозяина, он вздрагивал и, глядя на неё, взлаивал, но в основном продолжал бежать до утра всё так же уныло, свесив язык.

На следующий день ему встретился рыжеволосый мужчина. Тот сразу стал звать пса к себе, и, хотя говорил он ласково, собака всё же не могла понять его язык. Она даже попятилась от рыжеволосого. Тот предложил псу хлеб. Пес не отказался. По той причине, что от голода сводило живот. Когда пес приблизился, рыжеволосый дал ему еду, вкус которой был совершенно незнакомый. Жауын съел всё, да еще облизнулся. Рыжеволосый повел пса в непонятном направлении. Поначалу Жауын противился, но потом подчинился и зарылся в места, где он мог бы найти покровительство.

Рыжеволосый провел его между домами, одинаково похожими друг на друга, и завел его во двор одного из этих домов. Затем дал ему еду. Была и конура, нужная собаке. Подведя пса к конуре, человек надел на шею ошейник с цепью. Собака была вынуждена подчиниться и этому. Рыжеволосый назвал его Тимом. Через два или три дня собака привыкла и к этой кличке. Когда новый хозяин окликал его словом «Тим!», гремя длинной цепью, он выскакивал из конуры. Хозяин наливал ему в миску еду и уходил по своим делам. У него не было привычки, как у старого хозяина, с интересом смотреть, как ест пес.

Новый хозяин не выпускал его со двора ни днем, ни ночью. И пес стал забывать прежние дни, когда он вместе Алшыном гулял по аулу или отправлялся на охоту гонять птиц и зайцев. Прошло две недели как вошла в силу новая жизнь, и однажды всю ночь шел снег. Утром пес вышел из конуры и увидел кругом белый пушистый снег...

Пес, волоча цепь, прогулялся туда и обратно. А когда на память вернулись прежние дни, когда они с хозяином шли на охоту по снежной целине, пес вздрогнул и встряхнулся всем телом. Однако не было на свете никого, кто понял бы смысл этого движения. Пес посмотрел на снежные дали и заунывно завыл. И опять не нашлось никого, кто понял бы этот вой. Рыжеволосый сердито глянул на Тима, недовольно покачал головой и пробормотал непонятные слова...

Тим никак не мог привыкнуть к новому хозяину. Не говоря уже об охоте, у него не было обыкновения даже погладить пса по голове и приласкать его. Три раза в день давал ему еду и опять скрывался в своем доме. А что он там делал, это Тиму было неизвестно. Иногда он выходил со двора, закрывал калитку на ключ и возвращался только вечером. Тим привык и к этому, он лежал в своей конуре с утра до вечера.

Так как конура находилась рядом с высокими железными воротами, Тим, заслышав звуки проходящих по улице людей, надеясь, что это идет старый хозяин, вскакивал и, волоча цепь, выбегал наружу. Если слышал голоса людей, проходивших мимо железной калитки, надеясь, что это идет старый хозяин, виляя хвостом, начинал пристально высматривать проходящего. Однако, сколько он ни ждал, старый хозяин не появлялся.

А когда снова пошел снег, он во сне увидел хозяина. По белому-пребелому снегу они шли на охоту. Он опять шалил, увиваясь вокруг ног хозяина, то и дело запрыгивая ему на грудь. Увлеченно кувыркался на снегу. Повалившись в снег, встряхнувшись всем телом, сбросил снег с себя и, вглядываясь в дали, вдруг неожиданно для себя увидел серого зайца, во всю прыть летящего над сугробами. И он помчался по насту. Заяц мчался, он за ним... а когда был готов настигнуть, хозяин крикнул: «Кый-ии-юю!» Пес, оглянувшись на хозяина, кувырком полетел по пушистому снегу.

Проснувшись, он увидел, что заря едва только зачинается. В прежние времена они с хозяином выходили на охоту именно в такие предрассветные сумерки. После такого чудного сна пес долго скулил, а потом завыл... Потом опять завыл... Это была тоска по хозяину... снежной степи... тугаям, полным зверей и птиц... по прежней вольной жизни. Однако не было никого, кто понял бы эту тоску. Ни единой души, кто услышал бы зов. Рыжеволосый, скрипнув промерзшей от мороза дверью, подошел к конуре и бросил собаке куски засохшего хлеба, кости. Пес даже не посмотрел на брошенную ему еду. По той причине, что он сейчас не искал еды.

Рыжеволосый покачал головой и что-то опять буркнул. Однако пес не понял, что он сказал, да и не было желания понять. А ведь раньше он на лету, с великой охотой ловил слова прежнего хозяина...

Интересным было то, что в дом рыжеволосого люди не заходили, таких было мало. Если бы таких было много, это отвлекало бы пса, было бы чем-то вроде работы. Он чувствовал, что лаять на посетителя, предупреждая хозяина – это немалая заслуга перед ним. Но что поделаешь, если таких охотников постучать в дверь рыжеволосого было совсем мало.

В следующий снегопад пса охватило неудержимое желание покинуть и конуру, и двор рыжеволосого. В обманчивой надежде встретить прежнего хозяина в бегах он даже попытался порвать цепь, несколько раз сильно рванулся с привязи, но цепь оказалась прочной. И тогда он вынужден был снова зайти в конуру, где молча лег, положив голову на свои длинные передние лапы.

...Пришла весна. Теперь рыжеволосый больше времени проводил во дворе. Он обрабатывал землю. Сделал обрезку плодовых деревьев. На это время он отвязал Тима, пустив его побегать. То ли от того, что пролежал в конуре всю зиму и привык к привязи, оказавшись на свободе, Тим далеко не ушел. Для него было уже большой радостью просто побегать по улице, обнюхиваясь с соседскими собаками. Сколько дней прошло в такой свободе, он не знал.

Как-то вечером два длинноволосых незнакомца на машине подъехали к Тиму, стоявшему на улице и разглядывающему окрестности, и без лишних слов накинули ему на шею петлю, поволокли к своей тарактелке и бросили в железную будку сзади повозки. И один из длинноволосых уселся рядом. Вот и все дела...

Сколько потом тарактела машина, сколько качалась туда и сюда железная будка, будто голова старика на тощей шее, ... всё ехала и ехала повозка... В темноте будки ничего не видно. Только душная тьма. Тем не менее пес ощущал, что тарактелка всё еще едет. От духоты в будке и качки пес изнемог. Было плохо и от того, что длинноволосый, который был рядом, с движением тарактелки начал храпеть. Для собаки стало мучением и тарактение повозки, и храпение лежащего рядом мужика, к тому же, когда ящик сильно качался, лицо длинноволосого касалось морды собаки. В такие минуты Тим, ощущая отвращение от плохого запаха изо рта мужика, отворачивал морду к стенке ящика.

Тарактелка ехала всю ночь, всё утро и в конце концов где-то оборвала свое урчание. Вот так Тим нежданно-негаданно оказался на большом городском базаре. Без того дезориентированный будкой тарактелки пес оказался в полном недоумении, он стоял в каком-то оцепенении... Теперь его хозяином оказался человек с кудрей бородкой. Слова кудцебородого были то понятны псу, то совсем непонятны. По той причине, что он говорил то на языке первого хозяина, то на языке второго хозяина.

Кудцебородый назвал его словом Коныр (Коричневый). Работой кудцебородого было, ведя пса, по ночам обходить базар. Однако это место и днем – базар. Для собаки, всю зиму просидевшей на цепи в конуре, базар показался занят-

ным местом. Псу пришлось по душе и многолюдие здешнего места, и обилие пищи. А что скажешь о вещах, которые есть было нельзя, но которые так и притягивали взор?

Места на базаре, освободившиеся вечером, убирал сам куцобородый. Что может оказаться в руках уборщика базара? Скотившиеся яблоки, орехи, урюк, лимон, хурма, сладости.... Кости, выброшенные мясниками... Наполовину съеденный хлеб, беляши, тесто от мант... Порой встречались заморские продукты, которые не пробовал не только пес, но и сам куцобородый.

Всё это куцобородый складывал в пакеты, оставленные продавцами, или в карманы длинного черного чапана, который снимал только на сон грядущий, раскладывая его так, чтобы можно было лежать самому и еще псу. Принесет всё это в свою каморку, сложенную из блоков, оштукатуренную и внутри и снаружи, но побеленную кое-как, и начнет проверять. То, что почище и целое, оставлял себе, остальное кидал собаке.

Вот так, став базарной собакой, получив кличку Коныр, чего только из съестного не попробовал пес. Наверное, только орехи и урюк не вкушал, потому что не мог дробить их, а остальное всё пошло в желудок... И сейчас Коныр, следя днем за хозяином, заглядывая на прилавки, где были разложены продукты, продаваемые людьми, заранее угадывал, какой у них вкус. Кое-где, идя мимо продуктов, вкус которых ему не понравился, он отворачивал голову, сморщив ноздри.

Как бы то ни было, базарная жизнь нравилась собаке. Днем некоторые продавцы, любуясь псом, даже угощали его продуктами с прилавка. Так что проблема с питанием здесь была решена. Что еще было нужно псу? Увлекательное, захватывающее занятие. Он подолгу смотрел на ссорившихся людей. А драки вообще приковывали всё его внимание. И если хозяин прикрикивал тогда: «Чего тебе нужно? Иди прочь!» – он всё равно не уходил.

Хорошо бы просто стоял и смотрел, нет же – увлеченно лая, затесывался в самую гущу той драки.

Конечно, время от времени на базаре приходилось ему встречаться с разными собаками, бегущими за своими хозяевами. Однако, когда Коныр встречался с ними, он брезгливо морщил нос, смотря на них, как хозяин базара. Ну как не морщить нос, какой толк от пса, который тащится на поводке за хозяином? На худой конец, постоят они, виляя хвостами, долго смотря друг другу в глаза.

Самое главное здесь – изобилие товаров и продуктов. Порой рано утром или ночью, чтобы разгрузиться на базаре, когда он пуст, люди, подъехав на ворчащих машинах, громко колотят в ворота в неурочное время. Открыть ворота или нет – это дело куцобородого. В такие минуты Коныр, остервенело лая, рвется вперед. Куцобородый не сдерживает его. По той причине, что громкий лай собаки для него – признак бдительности. Через некоторое время лай Коныра стал знаком хорошо охраняемого базара.

В это время люди за воротами, чтобы остановить лай, обычно кидают Коныру что-нибудь съестное, и пока пес занят едой, куцобородый вступает в длительные переговоры с людьми и в конце концов открывает ворота. Как вы думаете, когда Коныр занят поеданием вкуснятины, брошенной ему, посещает ли его собачью голову, к примеру, такая мысль: «Отчего это мой хозяин так смилостивился, что открыл ворота?»

В шуме и гаме, толкотне базара пес не заметил, как прошло лето, а за ним и осень. А затем с наступлением зимы, с усилением морозов суета базара начала стихать, и людей тоже стало меньше. Мерзнущие, кутающиеся в верхнюю одежду люди тоже не склонны к такой открытой щедрости и приветливости,

как летом. Однако, чего греха таить, базар есть базар, надо признать, что ни пес, ни его хозяин голода не ведали.

Однажды крупными хлопьями пошел снег. Кобыр и его хозяин были в своей каморке, стены которой были побелены вкривь и вкось, словно полосы на щеках заплакавшего ребенка. Хозяин затапливал печку, затопив, принялся лакомиться наколотым орехом. Когда снег полностью выбелил землю, пес ни с того ни с сего начал скулить. А потом завыл... И это была давняя тоска по хозяину, по охоте, по тем дням, когда они, счастливые, шли в тугай, богатые зверьем и птицей...

Когда собака завыла, куцеголовый недоуменно посмотрел, потом взял кусточек мякоти ореха и небрежно бросил ей. Затем пробормотал: «В этом городе... Говорю, в этом городе, во всём Казахстане, наверное, ты, светик, единственная собака, что ест мякоть ореха. Знай это. Или тебе не хочется знать о том, в каком положении сейчас не только собаки, но и сами люди?»

Однако Кобыр даже не повернулся и не посмотрел на брошенный ему орех... Глядя на снежные дали, на кружащиеся белые хлопья, опять заскулил... А потом завыл. Хозяин, показывая, что совсем не понимает поведения своей собаки, продолжал поедать наколотый орех.

...В середине зимы произошло еще одно событие, неожиданное для Кобыра. Встретилась рядом с базаром стая собак. Свесив язык, глядя на них со стороны, он, видать, вспомнив, что тоже по природе своей является мужчиной, последовал за ними. Для удовлетворения самолюбия иному псу порой бывает достаточно осознавать себя пятым самцом, следующим за хвостом серой суки. На волне такого придурковатого чувства где только не пришлось побывать. Театр... Здание городского акимата... Железнодорожный вокзал...

Конечно, когда он впервые увидел вокзал, ему и в голову не могла прийти такая мысль, что это будущее его прибежище. Напротив, удары вагонов друг о друга, пронзительный визг и вой тепловоза слышались ему как нечто абсолютно чуждое. Торопливо спешащие туда и сюда люди показались ему куда более холодными, нежели на базаре. Тем не менее, заметив, как прохаживаются они взад и вперед, держа в руках свертки или посуду с рыбой, мясом, хлебом, беляшами, яблоками, пес заметно прибодрился, предвкушая нечто. Знакомые с базара манящие запахи начали щекотать ему ноздри.

Пес постоял, с любопытством глядя на людей со свертками еды, широкие, словно лопухи, уши его заметно приподнялись, а затем он снова присоединился к стае собак.

На следующий день ему пришлось выслушать свирепую отповедь куцеголового за то, что он покинул свой пост, а когда он с виноватым видом, поджав уши, шел рядом с ним, на беду произошло еще одно событие.

Совсем неожиданно на базаре он увидел Сану, которую так любил его прежний хозяин. Рядом с ней был другой джигит, и это ввело в недоумение пса. Кобыр, конечно, сразу узнал её. Однако Сана не повернулась к нему. Поэтому пес взволнованно залаял на неё. На этот раз Сана повернулась к нему, но взгляд не остановила. Теперь пес возненавидел джигита, идущего рядом с ней, кинулся к нему и нещадно укусил его.

Сана в этот момент узнала собаку, иссиня-черные её глаза расширились до орбит, и она на минуту застыла, вся дрожа. Возможно, она постеснялась при своем спутнике произнести кличку пса... Или забыла...

...А для пса это была ревность к Сане из-за своего прежнего хозяина. Однако это было невдомек ни единой душе. Столпившись, люди помогли упавшему джигиту подняться на ноги.

Уходя, Сана опять оглянулась и посмотрела на пса, и опять тайну этого взгляда, кроме них самих, не могла понять ни одна душа на свете.

После этого события Коныр перенес жестокие побои от куцубородого, отчего сбежал на железнодорожный вокзал.

Коныр прибежал на вокзал как раз к тому моменту, когда пассажиры с чемоданами на колесиках, дребезжа ими, поспешили к прибывшему поезду, за ними устремились торговцы всякой мелочью... Глядя на эту суматоху, он в удивлении застыл в сторонке. Началась давка, выходявшие с поезда пассажиры и садящиеся в вагон толкали друг друга, кричали. Пес уделил больше внимания тем, кто рвался к дверям вагона, с криком предлагая всякую еду, а потом его взгляд скользнул к людям, которые давились, толкали друг друга возле самого входа.

Суэта, шум и гам этого места показались Коныру оглушительными, более сильными, чем на базаре. На самом деле, именно это и было нужно ему, пес сильно встряхнулся всем телом, в глазах вспыхнули огоньки шальной радости.

И это было признаком его внутренней готовности к новым действиям во имя выживания.

Один усатый джигит, накупивший всякой всячины на перроне, положив мясо, яйца, хлеб в пакеты, остановился рядом с псом и закурил. Дымя сигаретой, он взглянул на собаку. Тот тоже глянул на него и завилял хвостом. Похоже, он просил у джигита чего-нибудь съестного. Джигит понял эту мысль собаки, он вынул из пакета хлеб, отломил кусок и бросил псу. Конечно, Коныр не дал упасть хлебу, он перехватил его на лету. Тогда джигит бросил второй кусок. Пес поймал и его. От нечего делать джигит подбросил высоко в воздух третий кусок. Однако пес не растерялся. Видя, что пес готов на всё ради куска хлеба, например, прыгать и подскакивать сколько угодно, – джигит принялся кидать хлеб направо и налево, – всё равно пес успевал схватить кусок. Более того, он словно просил – кинь еще!

В это время любопытствующих зевак стало больше. Они стали развлекаться, кидая псу кусочки хлеба и мяса. Некоторые пытались обмануть пса, лишь делая вид, что кидают. Удивительным было то, что пес не давал обмануть себя ложными жестами, он стоял на месте, сохраняя невозмутимость. На самом деле, он прочитывал по глазам намерение человека обмануть его.

Поражаясь уму собаки, зрители принялись шумно хвалить его на всякий лад и одобрять. Зевак стало гораздо больше. Среди них были не только пассажиры, но и торговцы мелочью, встречающие поезд. Более того, среди них оказались и несколько железнодорожников.

Теперь люди делали попытки кидать куски мяса и хлеба то высоко, то низко в разных направлениях. Некоторые с азартом кидали сразу несколько кусков. Однако всё это нисколько не обезоружило пса. Некоторые бросали конфеты и печенье. Собака ловила всё. Нашлись люди, которые рассмешили всех словами: «Предложи ей водку, она выпьет и её!» Когда возбуждение народа достигло крайней степени, раздался истошный визг и вой тепловоза.

С воплем тепловоза народ стал поневоле расходиться. Насытившийся пес с удовлетворением следил за людьми. С другой стороны, он был удивлен тем, что люди так легко расходятся.

Как только поезд ушел, на перроне опять столпились в основном торговцы с тележками. Они окружили пса. К торговцам мелочью, владельцам тележек присоединились встречающие следующий поезд. Их всех поражала ловкость пса и невероятная сообразительность. Нашлись и такие, кто был готов кидать основательными кусками теплое мясо, которое собирались съесть сами, манты, очищенное яйцо. Пес ловил в воздухе всё и тотчас съедал.

Вдруг опять издали донесся вопль поезда, и люди тотчас стали расходиться. Их движение напоминало ледоход. Пес снова с удивлением следил за этим дружным действием, виляя хвостом.

Пес в эту, и в другую ночь ночевал в закутке для торговцев мелочью, который находился в дальнем конце вокзала. В том, что Коныр выбрал для себя лежбище в закутке, в одной комнате которого люди спали, в другой – ставили тележки, ничего особенного не было. Дело в том, что, хотя закуток этот предназначался для торговцев, здесь зимой находили приют и бродяги, и жалкие алкоголики. Мало того, сюда тащились и несчастные попрошайки-нищие, устраивались на ночлег, спали, кладя голову на тела таких же бедолаг, как и они сами. Днем закуток напоминал конюшню, продуваемую всеми ветрами, – дверь то открывалась, то захлопывалась, но ночью в нем становилось довольно-таки уютно, время от времени пожилая женщина, с ошметком овечьей шкуры, притянутым ремнем к пояснице, растапливала печку. Псу было нелегко привыкнуть к этому помещению, и днем и ночью затянутому дымом от табака.

Большинство обитателей закутка привечали пса, считая, что хорошая собака – признак блага. В то время как пес никак не мог привыкнуть к табачному дыму, один светлолицый тележник, решив, что собаку надо научить курить, два дня надоедал ему, пытаясь вставить в его челюсти сигарету. Измученная этим собака хотела покинуть закуток, но с трудом перевозмогла себя. Если бы не жестокие побои куцехородого, не его ругань, она могла бы вернуться на привычный базар. Теперь пса звали по-другому, два дня окликали словом Бим, а потом приклеилась кличка Кум (Песок).

Пес привык к этим кличкам. Он оборачивался и на Бим, и на Кум. Даже если у вокзала окликали какую-нибудь другую собаку, он с готовностью прибегал туда, виляя хвостом. Однако он не знал, кто теперь его хозяин.

За какие-то четыре или пять дней Кум изучил жизнь вокзала. Сначала он научился различать пассажирские и грузовые поезда. Многих теперь удивляло то, что он, заранее отгадав приближение пассажирского поезда, громко лая, предупреждал тележников, сам оказываясь вперед них на перроне. Он решил, что самые щедрые люди – пассажиры поезда. Поэтому он приобрел навык определять в толпе пассажиров, увиваясь рядом с ними. В основном оправдывали его надежды именно они.

Однажды произошло неожиданное событие. Кум вместе с джигитами-тележниками ожидал на перроне очередной пассажирский поезд. На этот раз он заметил одного очень опрятно одетого, тучного пассажира. Полный пассажир сначала сделал покупки, затем, дыша чистым воздухом, не спеша стал прохаживаться по перрону. Он не оглянулся на пса, который неотступно следовал за ним. Однако Кум, знавший приемы привлечения внимания пассажиров, сначала тонко заскулил и, то ли ластаясь, то ли заискивая, стал крутиться вокруг ног полного человека. Когда толстяк оглянулся на него, Кум, будто желая сказать: «А я вот это умею делать», – два или три раза подпрыгнул вверх. Толстый пассажир, заморожено глядя на пса, отломил кусок калача, который держал в руке, и кинул ему. Тот на лету перехватил еду. Когда пассажир кинул ему второй кусок, пес поймал его передними лапами и сунул себе в пасть. Эта сцена взволновала не только толстяка, но и всех, кто стал свидетелем происшествия. Толпа увеличилась. Особенно напирали свободные от своего занятия тележники. Толстый пассажир был настолько увлечен невероятным псом, что, покончив с калачом, начал отрывать куски от купленного мяса и кидать их направо и налево. Кум не оплошал, он ловил мясо и зубами, и лапами и тотчас съедал. Словно поспорив с кем-то, что собьёт собаку с толку, разгоряченный толстяк, отдав ей почти всё, даже яйца, сорвал с головы шерстяной колпак и подкинул в воздух. Кум, следя за полетом колпака внимательными глазами, дождался, когда тот начал снижаться и ловко подставил голову... И вот он предстал перед людьми сытой, обеспеченной собакой с теплым шерстяным колпаком на голове. Это была сцена, которую люди видели впервые. Поэтому

в знак одобрения пса кто-то зацокал языком, кто-то присвистнул, большинство же громко загоготали. Донельзя довольный псом толстяк опять полез в карман, достал оттуда сто долларов и, вложив ассигнацию в пасть собаки, отправился к своему вагону. И самым сильным действием, взволновавшим толпу, стало вручение этих ста долларов. Оказывается, цокание языком, свист, гоготание по сравнению с реакцией толпы на это были просто игрушкой – от поднявшегося шума и гама вокзал теперь едва не поехал по рельсам. Толпа раздалась в стороны, одни пропускали пса с банкнотой в пасти, другие – настоящего добряка, щедрого толстяка.

Поезд уехал, а Кум всё еще стоял со ста долларами, зажатыми в зубах. Он как будто чувствовал, что бумага, данная ему толстяком, не простая. Никто из джигитов-тележников, занимавших закуток вместе с псом, не решался забрать у него из пасти сто долларов. По той причине, что сейчас у Кума с банкнотой в зубах вид был слишком грозный.

Через некоторое время дежурный полицейский, который был свидетелем этого происшествия, собрался с духом, подойдя к собаке, сначала погладил её по голове, потом по спине, рассыпая похвалы. Затем, словно желая сказать, дескать: «Светик, дорогой, теперь тебе не к лицу стоять с такой бумажкой в зубах, возможно, испортишь её», – вытащил доллары из пасти, снял колпак с головы пса и скрылся в здании вокзала. Пес оглядывался на окружающих людей, будто говоря взглядом: «Посмотрите-ка на эту несправедливость!» Толпа, которая недавно только свистела, бурно реагировала на действия пса, безмолвствовала, будто ей языки связали.

Это происшествие, обрастая слухами, распространялось поездами и на запад, и на восток. Унесли эти слухи с собой неведомо куда и пассажиры самолетов. А в городском транспорте, на базарах, остановках зарождалась легенда о чудесном псе, так что некоторые горожане даже воспылали желанием посмотреть на него и, говорят, направились на вокзал.

И, конечно, было немало слов и о той несправедливости, когда из пасти пса забрали сто долларов... Как бы то ни было, сто долларов недолго лежали в кармане дежурного полицейского. В тот же вечер начальник вокзала, услышавший об этой истории от людей, вызвал к себе дежурного полицейского. Тот не заставил себя долго ждать. Он быстро вошел в кабинет и откозырял начальнику.

– Ты об этой собаке...

– Господин, эта собака под моим контролем... то есть присмотром... есть одна такая...

– Собака под контролем или твоя личная собака?

Конечно, дежурный полицейский не мог сказать начальнику, что это его собака. Он замялся и промычал нечленораздельное: «м-м-ме».

Пока полицейский соображал, начальник вокзала сказал ясным голосом:

– Тем не менее, обитающая здесь... то есть вокзальная собака же. Разве не так? Конечно, так. Следовательно, её заработок тоже должен идти в казну вокзала... Законы нашего суверенного государства такие... Не так ли?

Дежурный полицейский, отлично знавший, что начальнику вокзала очень нравится слово «Не так ли?», ответил растерянно:

– Так, господин.

Затем он нехотя вытащил из кармана сто долларов и положил на стол начальника. Начальник посмотрел на банкноту, облизал зачем-то губы и вдруг посмотрел на дверь. Убедившись, что со стороны двери опасности нет, опять повернул лицо к столу, потом быстрым движением, словно опережая кого-то, положил сто долларов в выдвижной ящик стола.

В эту минуту лицо полицейского исказилось в плачущем выражении, и, будто желая это скрыть, он украдкой посмотрел в сторону. Напротив, лицо начальника вокзала построжало в холодном выражении. Наверное, это было лучше, что в эту минуту они не смотрели друг на друга.

– Мы теперь должны оказать помощь этой собаке, – сказал начальник вокзала, глядя в окно.

– Да, господин...

– Разве не старается, не служит эта собака интересам и ради чести тех, кто трудится, проливает кровь и пот... как мы с вами, руководя этим вокзалом?

– Да, так...

В отместку за то, что начальник фальшиво использовал слова: «как мы с вами, руководя этим вокзалом?», фактически солгав, иронически приравняв подчиненного к себе, полицейский на этот раз сознательно опустил слово «господин».

Однако начальник не стал вменять эту строптивость в вину полицейскому, не получавшему зарплату вот уже четыре месяца, сто раз на дню представавшему перед его взыскательным оком.

– Ну вот скажи сам... Если раз в месяц будет он приносить мне сто долларов, а тебе дарить теплый шерстяной колпак, разве это плохо? Ну, скажи сам... Плохо, что ли?

Поскольку последние свои слова начальник произнес нарочито строго, даже грозно, полицейский не произнес ни слова. С самым жалким видом он смотрел вниз. Даже свое «м-м-ме» не смог промывать. По той причине, что ледяному, даже грозному тону начальника была своя причина. Он тем самым как бы требовал: «Молчи... не смей мне возражать». Эту тайну, в которую были посвящены только они двое, полицейский знал давно. Если бы не знал, то разве работал бы на таком большом городском вокзале?

– Можешь идти! – сказал начальник вокзала, вперив в дежурного полицейского ледяной взгляд.

– Есть, господин...

Дежурный полицейский, не решаясь прямо смотреть в глаза начальнику, с жалобной гримасой на лице с готовностью направился к двери.

Начальник вокзала холодно посмотрел ему вслед, про себя отметив, что дежурный полицейский достиг значительных успехов в умении держать себя перед вышестоящими лицами. Если бы не его невольная неискренность в связи с этими ста долларами, его, пожалуй, можно было бы даже похвалить, поощрить как-то.

Как только дежурный полицейский вышел из кабинета, начальник вокзала быстро вытащил сто долларов из ящика, положил во внешний карман костюма, прошелся по комнате туда и сюда. По его движениям, походке можно было заметить, что настроение у него приподнятое, благодушное. Затем, словно его посетила внезапная мысль, резко остановился, вытащил сто долларов из внешнего кармана и переложил во внутренний карман. Даже, глядя на то, как невольно задержалась рука за отворотом пиджака, можно было подумать, что он застегнул пуговицу... И, словно только теперь улучшилось настроение, лицо начальника вокзала потеплело, и он опять прошелся туда и сюда.

На этот раз шаги у него получились широкие, размашистые, будто шел он по поляне где-нибудь на горном лугу. Понемногу он замурлыкал себе под нос, затем это мурлыканье постепенно перешло в легкое посвистывание. В какой-то момент посмотрел на дверь. Как только это сделал, посвистывание прекратилось, и он с особой энергичностью направился к столу и уселся в свое кресло. Даже взял ручку, изготовился писать что-то на бумаге, что ли... однако, поскольку в голову ничто не пришло, на краю этого листка затейливо и тща-

тельно вывел свою подпись... Поставив подпись, он ручку не отложил. Будто его посетило вдохновенное желание расписаться на многих листках, поводит ручкой туда и сюда, посидел немного, затем под своей же подписью спешно принялся рисовать козыряющего полицейского... рядом с ним собаку в вязаном шерстяном колпаке на голове.

В этот же вечер Кум был переведен в другое небольшое помещение. Рядом была поставлена большая миска, куда налили холодный суп с обглоданными костями. Всем этим руководила пожилая женщина с ошметком овечьей шкуры, притянутым ремнем к поясице.

Теперь джигиты-торговцы со своими скрипучими тележками могли лишь изредка видеть Кума, которого выводили на прогулку. К сожалению, такая сладкая жизнь продлилась только три дня. На четвертый день та же пожилая женщина с овечьей шкурой привела Кума в прежний закуток тележников, затянутый табачным дымом, и оставила его здесь. Тот самый светлолицый парень снова принялся за свои проделки, пытаясь научить Кума курить. Он всю ночь не давал ему покоя, и в конце концов измученный пес укусил его за руку. Конечно, светлолицый, держа укушенную руку, расплакался. Хорошо, что в это время джигиты, вернувшиеся после тяжелой работы, спали крепким сном. После того, как пес укусил светлолицего, остальные стали опасаться его. Конечно, нужно понимать, что джигиты-тележники к собаке заметно охладели, особенно после того, как доллары и шерстяной колпак попали в руки дежурному полицейскому, потом начальнику вокзала. Заставило их задуматься и то обстоятельство, что после того события полицейский почему-то возненавидел пса. Ну а полицейский для тележников не тот человек, с которым можно шутить.

Удивляло их и то, что вольно или невольно люди, связанные с Кумом, то возносились до небес, то низвергались на землю до самого жалкого состояния.

По-прежнему он выходил с остальными встречать поезда. Поедая то, что добыл, возвращаясь обратно с торговцами с их гремящими тележками, он устраивался в углу затянутого дымом помещения и взирает на игру картежников, на их шумные, порой буйные споры. Как бы то ни было, у собаки уже не было прежнего игривого и беспечного характера. И теперь вокзал, который раньше ему казался интересным местом, представлялся огромным пустым пространством, куда безостановочно шумно входили и выходили толпы двуногих. И самая большая печаль для него – отсутствие такой души, которая стала бы заботиться о нем, мол: «Что он здесь делает, как тут оказался?» И это было для пса самым несчастливым временем. Как назло, пассажиры проезжающих поездов оказались черствыми жадюгами, они ничего ему не давали. А торговцы-тележники были и того жаднее, бедолаги – они даже самих себя во всём обделяли. Несколько дней Кум ничего не ел, он исхудал, едва не валился с ног, и в эти дни ему повезло – встретился милосердный нищий.

Нищий сам подозвал Кума, привел его в укромное место среди домов, постелил на землю свою дырявую, вонючую шубенку, из замызганной торбы вытащил остатки хлеба, вареной картошки, подгнивающие яблоки, продавленный мандарин и разместил на подстилке. Он кинул Куму немалую порцию такой еды, и сам принялся жадно поедать. Он не смотрел, мягкий хлеб или сухой, гнилой фрукт или целый – всё ел подряд. И всё подкидывал и подкидывал псу. И сам ел...

Когда в торбе еда закончилась, нищий неожиданно расплакался. Поначалу собаке показалось странным, что немолодой мужчина, лица которого в течение двух месяцев не касалась вода, а волос – расческа, плачет, содрогаясь всем телом, но в конце концов, положив голову на передние лапы, лежащий пес тоже принялся безмолвно плакать. Из глаз Кума заструились слезы.

С наступлением зимы, во время снегопада, пес опять затосковал по старому хозяину, по снежной степи, испещренной следами зайцев, зверей и птиц, по густым тугаям...

Лежа в тесном помещении, густо затынутом табачным дымом, сотрясаемом шумной игрой картежников, глядя на пушистый снег, кружащий за окном, Кум простонал, потом заскулил. А через некоторое время протяжно завыл. Наверное, давняя тоска сильно палила нутро, он выл долго.

Когда пес завыл, картежники прекратили свой гомон и, вытаращившись, обернулись к Куму. То ли от страха или, быть может, от холода у некоторых из них вздыбилась щетина на скулах. Пес не смущался их присутствием. Он продолжал быть. Наконец, навывшись вволю, положил голову на передние лапы, долго всматриваясь на снег, порхающий за окном.

В ту ночь он снова увидел во сне сначала хозяина, затем снежную степь, испещренную множеством следов зайцев. Хозяин шел, повесив за спину двустволку. Пес увивался вокруг его ног, то и дело запрыгивая на грудь... Пес проснулся и опять завыл.

Растолковав этот вой как недобрый знак, перепуганные тележники, не дожидаясь рассвета, выгнали Кума наружу. Светлолицый с перебинтованной рукой с одним джигитом весьма отталкивающего вида, обутым в ботинок на одну ногу, а на другую – в сапог, с мстительным чувством швыряли вслед псу куски асфальта.

И вот, спустя полмесяца, прославленный на всю округу пес снова стоял на том же месте вокзального перрона, где толстяк-пассажир накинул ему на голову шерстяной колпак и всучил в зубы сто долларов. Шел густой снег, дул ветер. Он был один... Не было ни единой души, которая сжалилась бы над ним.

Может быть, от того, что стоял под кружащим снегом, пес опять вспомнил про хозяина... потом про снежные дали... а затем поплыли перед глазами густые тугаи, полные птиц и зверья. Он опять томительно заскулил и завыл на весь вокзал. На этот раз вой напугал и пассажиров, которые теснились в вокзале. Дежурный полицейский вытащил свой пистолет, намереваясь через открытую створку окна застрелить воющего пса, подходить к нему ему не хотелось (было не по себе), но затем раздумал, дескать «надо посоветоваться с начальником, чтобы не нарваться на неприятности».

С наступлением весны Куму помогло одно происшествие, которое спасло его от тяжелых чувств. На вокзале опять объявилась серая сука, сопровождаемая четырьмя кобелями. Кум же тоже ощущал себя самцом. Возбужденный, он присоединился к стае.

В прошлом году Кум, побаиваясь других матерых псов, довольствовался лишь ролью сопровождающего. Однако за этот год он многое повидал, возмужал, и, наверное, от того, что его мужская природа полностью созрела, по-особенному заинтересованно поглядывал на серую суку. И в самом деле, если сравнивать его состояние в прошлом году с нынешним, он стал настоящим тобетом¹. Он стал выше ростом, окрепчал, тело, налитой пружинистой, взрывной силой, словно говорило, что, в отличие от других тобетов, он всю зиму был под уходом.

Остальные тобеты сильно исхудали, они не выдерживали бьющего ветра, дрожали. Только черный тобет с белыми лапами выглядел иначе. В прошлом году именно он завладел серой сукой.

Тобетам пришлось не по нраву, что Кум неожиданно присоединился к ним. Особенно зло посмотрел мутно-красными глазами черный с белыми ла-

¹ Тобет – казахский волкодав, пастушья собака.

пами. На недовольство других Кум не обратил никакого внимания. Совершенно не зря зло посмотрел мутными глазами черный тобет на Кума – не успели они пробежать один квартал, как он рывкнул и схватил зубами за загривок соперника. Однако Кум успел увернуться от оскаленных зубов черного с белыми лапами тобета и даже подготовиться к следующей атаке врага.

Черный тобет не заставил ждать себя с новой атакой. Когда стая оказалась на пустыре под густыми деревьями между старыми саманными домами, он опять рывкнул и попытался схватить Кума за загривок. Однако Кум не оплошал – он поднырнул под голову соперника, ловко обернулся и, рыкнув, изловчился схватить черного тобета с белыми лапами за загривок. Молодость есть молодость. Сомкнув острые зубы на шее врага, Кум не дал тобету и шевельнуться. Тявкнув, тот попытался дать отпор, но его оскаленные зубы щелкнули в воздухе, не достигнув передних колен Кума. Черный с белыми лапами тобет оказался старым. Кум это почувствовал по его рывкам, когда держал зубами загривок врага. Придавали, оказывается, ему доблестный вид, только густая шерсть да умение делать грозную гримасу. И вес его и сила оставляли желать лучшего.

Когда Кум схватил черного тобета за загривок, и некогда грозный вожак стаи, державший её в страхе, вдруг жалобно заскулил, а остальные тобеты, исхудалые, едва державшиеся на ветру, испуганно замерли в отдалении.

Когда Кум, доказавший свое превосходство, разжал пасть, отпуская черного тобета, тот зарычал и укусил его за колено. Разве он был бы черным тобетом с белыми лапами, если бы не сделал это? Отплатив таким образом Куму, он помчался в сторону остальных самцов, но не задержался и, истекая кровью, скрылся среди густых кустарников.

Когда вожак, в ком доселе никто не сомневался, оказался в таком положении, остальные тобеты кинулись врассыпную. Осталась только серая сука. Словно дожидаясь конца поединка, поскуливая, она подбежала к Куму и, зализывая ему раны, увиваясь, коснулась его тела своим боком. Кум обнюхал ей хвост...

Эти немногие дни, проведенные с серой сукой, станут потом причиной неизбывной тоски Кума, когда он заунывным воем помянет невозвратное прошлое. Рядом с этим обернулось пустым звуком его всенародное торжество на вокзале, когда он правил вниманием людей, став обладателем шерстяного колпака, которым пассажиры отметили его талант, и ста долларов, всученных прямо в пасть. О боже, всё это он был готов обменять хотя бы на один день, проведенный с серой сукой... Особенно был доволен хозяин серой суки. То ли был рад, что получит потомство от породистого пса, или посчитал, что лучше иметь две собаки... как бы то ни было, он не жалел для них еды. Кости, хлебка, даже вода для питья – всё это он давал им. Чего еще могла пожелать их душа, – разве что он не дает им постель, ну, а во всем другом они не могли обижаться на хозяина.

В одну прекрасную ночь серая сука просто исчезла. Поначалу Кум её ждал... А потом, решив, что она убежала к черному тобету с белыми лапами, он загрустил. Однако он её не искал. Хозяин по-прежнему был готов ухаживать за ним. Он несколько не был расстроен исчезновением серой суки. Как бы то ни было, в тот вечер от нечего делать Кум кружил по двору, и вдруг за дровяным сараем в небольшой ямке увидел свежую кровь. Обнюхивая, он понял, что это собачья кровь, и это открытие ввергло его в тоску. Напуганный этим, долго скулил, а потом залаял. Хозяин серой суки, словно утешая его, вынес ему обглоданные кости. Некоторое время он был занят костями, потом опять побежал за сарай и увидел на заборе развешенную шкуру серой суки. Он узнал её, долго обнюхивал шкуру, потом лаял и лаял.

В эту ночь Кум не стал спать в конуре серой суки, он перемахнул через забор и отправился на вокзал. Хотя это был тот же Кум, в его облике, поведении наметились некоторые особенности. Как опытная собака, он стал чутким и настороженным... даже несколько заносчивым. Внимательный человек мог бы заметить в глазах собаки какой-то холод. Он уже был не такой общительный. Кровавые пятна, оставшиеся на его передних лапах после драки с черным тобетом, придавали ему даже суровый вид. Джигиты-торговцы, наполнявшие скрипом и тарыхтением тележек площадь вокзала, уже не решались, как раньше, баловать Кума или вовлекать его в какие-то забавы, они смотрели на него издали. Дежурный полицейский, не смотря на то, что по-прежнему враждебно относился к нему, тоже не решался прогонять его.

Теперь Кум был волен над собой. Когда хотел, отдыхал, вставал тоже по своей воле. Он теперь не появлялся в закутке для торговцев, заволоченном табачным дымом. Потому что теперь было тепло и на территории вокзала было много всяких укрытий.

Кум ждал пассажирского поезда или следовал за торговцами разной мелочью. Те, кто слышал имя пса или узнал его, иногда по своей воле давали ему что-нибудь съестное. Если что-то нечаянно падало на землю и пачкалось, эта еда тоже становилась его добычей. За эту добычу на вокзале не было конкурентов ни среди людей, ни среди собак.

Вот так, имея заслуженную славу, пользуясь уважением людей, в один из весенних дней, неспешно и даже величаво ступавший пес, вышедший встречать очередной пассажирский поезд, вовлекся в событие, которое не ожидал ни во сне, ни наяву.

Поезд остановился, люди стали выходить, и вдруг пес увидел идущих к вагону двух полицейских, между которыми шел Алшын.

Пес замер в растерянности, не веря своим глазам. Он замер среди толпы людей, стоял так, немного задрал голову, а когда убедился в том, что видит настоящего хозяина, глаза его засияли, и он заликовал. Завилив хвостом, закрутившись на месте, он яростно залаял: «Аф-Аф!! Аф-Аф!» Никто не обратил на него внимания. Проходящие пассажиры и торговцы были заняты своими делами.

Охваченный неожиданной безмерной радостью, вертя хвостом, Кум теперь думал только об одном, – как бы скорее оказаться рядом с хозяином. Ему не хотелось, подобно заурядным шавкам, лавировать среди ног проходящих, катиться таким дурашливым комком. Ему хотелось продемонстрировать любимому хозяину нечто такое, что удивило бы его и обрадовало. Яростно лая: «Аф-Аф!», виляя хвостом, он отступил на край первого пути и оттуда прыгнул к двери вагона, стоявшего на втором пути. А когда пес в одном прыжке очутился рядом с хозяином, люди ахнули, зацокали языком... Кто-то засвистел. Многие загомонили, называя имя пса. Однако псу было не до гогота и свиста. Он искал взора хозяина. И тот узнал его. Увидев пса, появившегося совершенно неожиданно, словно ниоткуда, он растерялся. А пес смотрел только на него...

Пес ожидал, конечно, другой встречи. Если это настоящий хозяин, он сразу кинется обнимать его, гладить по шее, голове, трепать уши... разными ласковыми словами утешать его... утолять неизбежную тоску...

Если бы хозяин проявил такую радость и ласку, пес был готов тут же растерзать полицейских, стоявших по обе стороны от него...

Его налитые кровью глаза, приподнятые уши, переминающиеся на месте лапы – весь его вид говорил о том, что, будь сейчас перед ним пылающий огонь, он, не раздумывая, кинулся бы в него.

Однако человек, стоявший перед ним, с исхудалым лицом, свидетельствующим о пережитых больших бедах, в изношенной старой одежде, не проявлял

ни малейшего признака такого порыва... Какой порыв? Радость, появившаяся на лице Алшына, сменилась растерянностью, а потом появилось выражение страха. Он даже немного попятился назад, словно внезапно возникший перед ним пес, неотрывно глядящий на него, вселил в него испуг. Горящие огнем глаза пса следили за ним.

Он даже не мог произнести его первую кличку «Жауын!». Подталкиваемый двумя полицейскими, он скрывался в дверях вагона. Он даже не оглянулся на пса, всё так же вертящего хвостом, смотревшего на него горящими глазами. Не в силах дальше выдерживать, пес снова залаял: «Аф-Аф!» Вся его тоска, печаль... и обида выразились в этом звуке.

Конечно, хозяин услышал этот лай. Возможно, он понял, что хотела сказать собака... Однако он не мог ответить, он удалялся.

Когда поезд тронулся, пес побежал вслед за вагоном. Снова залаял. На этот раз долго лаял. Те самые семь дней и семь ночей, когда они были вместе с хозяином, бездна невысказанных чувств, их тайна, – всё это выразилось в долгом лае...

Поезд ушел вдаль.

Пес долго сидел на путях торчком, глядя на удаляющийся поезд. И даже какое-то время чутко внимал слабеющему грохоту колес. А затем долго выл, да так, что у слышащих людей мурашки бежали по коже...

Этим воем он как бы говорил людям о невыразимой печали по потере тех самых несказанных семи дней и семи ночей, когда они были вместе с хозяином... И этот вой собаки слышали многие на вокзале. Полицейский, бдительно следивший за порядком во вверенной ему территории, присматривавший и за собакой, потянулся за пистолетом... потом опять и опять... Понятно, что он побоялся начальника, сидевшего на втором этаже в кабинете.

О чем выл пес, глядя мутными глазами в небо?.. О двуногих с их нескончаемыми печалью и заботами, едва сводящих концы с концами в хлопотах о копейке, или о своем хозяине, которого готов был ждать до смерти, а когда, преданный вере, дождался – тут же бесповоротно потерял его... и о своей бесконечной печали...

Перевод Аслана ЖАКСЫЛЫКОВА

